

UDC: 316.658:[616.98:578.834.1]-036.21COVID-19

DOI: [10.15421/172163](https://doi.org/10.15421/172163)**Александр Дурнев, Татьяна Юрчик***Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина (Харків, Україна)*

Конспирологические теории пандемии Covid-19: социальные факторы возникновения и распространения.

Статья подготовлена в рамках НИР №0121U109814 «Социолого-математическое моделирование эффективности управления социально-эпидемическими процессами для обеспечения национальной безопасности Украины».

Целью статьи является определение причин распространения в обществе теорий заговора о коронавирусе COVID-19.

Актуальность. Воздействие COVID-19 на трансформацию современных повседневных практик отмечается множеством социологов. При этом, исследованию проблематики глобальных общественных процессов, вызванных пандемией COVID-19, уделяется мало внимания. В частности, вопрос социальных факторов возникновения и распространения конспирологических теорий, развившихся на фундаменте пандемических условий, остаётся открытым. С одной стороны, это обусловлено специфичностью теорий заговора как предмета потенциального социологического изучения, с другой стороны, сравнительной новизной исследуемого объекта, что затрудняет возможность тщательного анализа особенностей развития и механизмов функционирования теорий заговора в социальном пространстве.

Результаты. В статье авторы намечают перспективы углубленного социологического анализа социальных эффектов и последствий пандемии, сосредотачиваясь на проблематике социального восприятия пандемии и социальных барьеров борьбы с ней. Исследуется необходимость рассмотрения теорий заговора как социального явления, а не просто причудливой аберрации массового сознания (явления, которое функционирует по социальным законам). Результатом исследования является выделение гипотетических социальных факторов возникновения и распространения конспирологических теорий, а также, проверка обоснованности предположения о том, что распространение теорий заговора непосредственно влияет на распространение коронавируса. Предлагается авторская концепция конспирологических теорий, разработанная с использованием теорий социального пространства А. Лефевра и П. Бурдьё.

Выводы. Авторы приходят к выводу о невозможности анализа конспирологических теорий в отрыве от социокультурного и социально-исторического контекста. Опираясь на выработанную концепцию и результаты публичных социологических исследований, авторы предлагают набор гипотетических факторов распространения теорий заговора о пандемии, эмпирическая проверка которого составляет главную перспективу дальнейших исследований.

Ключевые слова: теория заговора, конспирология, пандемия, COVID-19, социальное пространство, социальные факторы, капитализм

Alexander Durniev, Tetyana Yurchyk*V.N. Karazin Kharkiv National University (Kharkiv, Ukraine)*

Conspirological Theories Pandemic Covid-19: Social Factors of Origin and Distribution

The aim of the article is to determine the reasons for the spread of existing conspiracy theories about the coronavirus COVID-19 in society.

Relevance. The social role of COVID-19 in transforming modern day-to-day human practices has been highlighted by many sociologists in recent scientific publications. At the same time, notably little attention has been paid to the study of the problems of global social processes caused by COVID-19. The issue of social factors in the emergence and spread of conspiracy theories that grew up on the foundation of pandemic conditions, now remains open and poorly understood. On the one hand, this is due to the specificity of sociological knowledge about conspiracy theory, on the other hand, it is connected with the comparative novelty of the object under study, which makes it difficult to analyze thoroughly the principle of the functioning of conspiracy theories in social space.

Results. This article is intended to outline certain prospects for future in-depth sociological analysis' social effects and consequences of the pandemic, focusing on the issues of social perception of the pandemic and the social barriers

to combating it. The authors' position that conspiracy theories are a social phenomenon, which, in turn, functions according to social laws has been argued in the article. The results of the article are the identification of hypothetical social factors in the emergence and spread of conspiracy theories, as well as testing the validity of the assumption that the spread of conspiracy theories directly affects the spread of coronavirus.

The author's concept of conspiracy theories has been suggested and developed using the theories of social space by A. Lefebvre and P. Bourdieu.

Conclusion. The authors have come to the conclusion that it is impossible to analyze conspiracy theories in isolation from the socio-cultural and socio-historical context. Based on the developed concept and the results of public sociological research, the authors have proposed a set of hypothetical factors for the spread of pandemic conspiracy theories, the empirical verification of which is the main prospect for further research.

Keywords: Conspiracy Theory, Conspirology, Pandemic, COVID-19, Social Space, Social Factors, Capitalism

Олександр Дурнів, Тетяна Юрчик

Харківський національний університет імені В.Н. Каразіна (Харків, Україна)

Конспірологічні теорії пандемії Covid-19: соціальні фактори виникнення та поширення

Метою статті є визначення причин поширення в суспільстві теорій змови про коронавіруси COVID-19.

Актуальність. Вплив COVID-19 на трансформацію сучасних повсякденних практик відзначається великою кількістю соціологів. При цьому, дослідження проблематики глобальних суспільних процесів, викликаних пандемією COVID-19, приділяється мало уваги. Зокрема, питання соціальних чинників виникнення і поширення конспірологічних теорій, які розвинулися на фундаменті пандемічних умов, залишається відкритим. З одного боку, це обумовлено специфікою теорій змови як предмета потенційного соціологічного вивчення, з іншого боку, порівняльної новизною досліджуваного об'єкта, що ускладнює можливість ретельного аналізу особливостей розвитку та механізмів функціонування теорій змови в соціальному просторі.

Результати. У статті автори намічають перспективи поглибленого соціологічного аналізу соціальних ефектів і наслідків пандемії, зосереджуючись на проблематиці соціального сприйняття пандемії і соціальних бар'єрів боротьби з нею. Досліджується необхідність розгляду теорій змови як соціального явища, а не просто химерної аберації масової свідомості (явища, яке функціонує за соціальними законами). Результатом дослідження є виділення гіпотетичних соціальних чинників виникнення і поширення конспірологічних теорій, а також, перевірка обґрунтованості припущення про те, що поширення теорій змови безпосередньо впливає на поширення коронавірусу.

Пропонується авторська концепція конспірологічних теорій, розроблена з використанням теорій соціального простору А. Лефевра і П. Бурдьє.

Висновки. Автори приходять до висновку про неможливість аналізу конспірологічних теорій у відриві від соціокультурного і соціально-історичного контексту. Спираючись на вироблену концепцію і результати публічних соціологічних досліджень, автори пропонують набір гіпотетичних чинників поширення теорій змови про пандемію, емпірична перевірка якого становить головну перспективу подальших досліджень.

Ключові слова: теорія змови, конспірологія, пандемія, COVID-19, соціальний простір, соціальні фактори, капіталізм

Введение.

Эпоха позднего капитализма и буржуазная идеология характеризуются «двойственностью», на чём акцентировал внимание, в частности Михаил Лифшиц (2012, с.39-40), а также, другие представители марксистского направления в социологии. Это, в том числе, подразумевает тесное «сосуществование» продвинутой формы научного прогресса и различных форм «духовного вырождения». Подобная диалектичность современной

«постмодерной» эпохи непосредственно проявляется в современном пандемическом мире: новейшие научные разработки (лекарства, вакцины, методики лечения, медицинская техника и пр.) вызывают «обратную» реакцию социального отторжения научных открытий. Теории заговоров (или конспирология), прямо или косвенно связанные с COVID-19 (отказ от вакцинации, вера в отсутствие болезни, продуманный план правительства, сговор элиты и т.д.) — это специфическая форма

социальной реакции общественности на новейшие, в этом случае эпидемиологические вызовы человечеству. Что это: невежество, архаичность, консерватизм, эскапизм или нечто иное? На этот вопрос мы постараемся ответить в процессе исследования.

Наша тема подразумевает комбинированное изучение процесса изменения как на уровне общественной ситуации в целом, так и на уровне индивидуальной жизни, которые нельзя сопоставить, поскольку изменения на индивидуальном уровне зафиксировать заметно легче, в отличие от уровня социального. Подобно тому, как войны приводят к идее восстановления того, что уже было, включая тенденции архаизации, так и пандемии — к откату в беспандемическое прошлое и возврату старого социального порядка. Р. Дарендорф (1969) писал, что: «Тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания и регулирования, тот берет под свой контроль ритм истории. Тот, кто упускает такую возможность, получает этот ритм себе в противники» (с. 139-140).

Мы можем интерпретировать данный тезис следующим образом. Первый же этап развития пандемии продемонстрировал если не полное, то заметное бессилие общества в установлении контроля над пандемическими процессами; это и спровоцировало рост численности сторонников теории заговора. Кроме того, это создало благоприятные социальные условия для привлечения новых индивидов в их ряды. Они быстро скооперировались и стали достаточно многочисленными, чему способствовали объективные глобализационные процессы (унификация, интеграция, концентрация капитала и пр.) и, соответственно, практики карантина с постоянным интернет-взаимодействием и отсутствием «живой» коммуникации. Как следствие, они взяли под контроль ситуацию с COVID-19, а, значит, и «ритм истории».

Целью данной статьи является определение причин распространения в обществе существующих теорий заговора о коронавирусе.

Результаты исследования.

В дискурсе социогуманитарных наук нередко появляются конструкции «теория заговора», «конспирология»,

«конспирологическая теория» и так далее. Тем не менее, о детальной проработке понятия, его актуализации в социологии, и, тем более, о концептуализации исследуемого явления речь не идёт, корректнее сказать о предвзятом отношении к объекту нашего исследования. Сейчас также публицистической популярностью пользуется психологический редукционизм, согласно которому предрасположенность к конспирологии — это черта характера человека, однако такой подход ничем не аргументирован. Необходимо отметить, что термин «теория заговора», как утверждает социолог С. Кара-Мурза (2010), «становится оценочным и во многих аудиториях он используется как безотказный способ заткнуть рот оппоненту» (с. 112). Так, в рамках этой работы мы изучаем реальный социальный конструкт (конспирология как объективный продукт творчества и воображения людей) и оценочное понимание для нас не является релевантным.

С целью погружения в современное научное видение феномена «теорий заговора», мы предлагаем рассмотреть некоторые толкования данного понятия. Так, в Большом толковом социологическом словаре (1999) дано такое определение: «Теория заговора (conspiracy theory) — элемент в системе убеждений, согласно которому социальные последствия, определяемые вредными или нежелательными, рассматриваются с точки зрения результатов действий групп, способных, как считается, тайным образом влиять на власть, принятие экономических решений и т.п.» (с. 327-328). Таким образом, основными признаками теорий заговора являются: убеждённость в негативном влиянии определённых групп, которые по своей социальной природе являются преимущественно тайными; непосредственное отношение подобных групп к власти, как следствие, реальное обладание инструментами, способствующими реализации подобной власти.

Отечественный социолог Евгений Головаха (2020) в шуточном социологическом словаре указывает: «Теория заговора — это объяснение всех бедствий общества сговором злонамеренных индивидов и групп. Теория ошибочна, поскольку большинство

бедствий – от тех, кто хотел, как лучше...» (с. 24). Несмотря на ироничную подачу, можно утверждать, что Е. Головаха выделяет следующие признаки теорий заговора: во-первых, злонамеренная мотивация групп; во-вторых, тайно заключивших какой-либо договор; в-третьих, заблуждение и ошибочность этого.

Можно заключить, что рассмотрение этого социального феномена в науке сводится к частностям (нередко просто изучается на отдельных примерах). Конспирология отнюдь не рассматривается как целостное и гомогенное явление в социальном мире. Она сводится исследователями к области радикальной теории элит, стереотипов и стереотипного мышления, различных предубеждений, глобализации и пр. В связи с научным переосмыслением, связанным с COVID-19, интерес к исследованию конспирологии заметно возобновился, однако, существенных изменений в подходе к изучению объекта всё ещё не наблюдается. В рамках этой работы мы предпримем попытку обобщения данных, связанных с рассматриваемой темой, и выработки принципиально нового подхода к проблематике.

Пространственный аспект играет ключевую роль в формировании подхода к изучению теорий заговора как социальных явлений. Пространство конспирологии мы определяем как область циркуляции идей, связанных с признанием возможности движения к негативным последствиям, вызванных деятельностью (действием или бездействием) непубличных групп, имеющих монопольное право на власть и обладающих инструментами её реализации.

Согласно Анри Лефевру, в конкретном существующем способе производства общества существует три так называемых абстракции: пространство, через которое реализуется гегемония (это превалярующая абстракция); знание; действие. В пространство теорий заговора включены все индивиды, воспроизводящие конспирологические идеи и попадающие под их влияние. Воспроизводство идей может интерпретироваться как действие, а систематизированное (важно, что не обрывочное) утверждение — как знание (Лефевр, 2015). Можно предположить, что всё

это справедливо и для конспирологических идей. Пространство Лефевр рассматривает сквозь призму триединства:

а) Пространственная практика (действия, порождающие само пространство). Такими действиями сегодня можно считать публикации идей в Интернете (наиболее распространенная форма коммуникации, которая актуализировалась в мире в период карантинных мер), статьях, газетах и т.д.; митинги и собрания, посвященные рассмотрению проблемы конспирологии, и любые действия, связанные с воспроизводством отдельных элементов теорий заговора (например, коллективный снос 5g вышек).

б) Пространство репрезентации (пространство, которое переживается реципиентами посредством его образов и символов). К такому пространству относятся люди, поглощающие разнородную информацию конспирологического характера, соответственно, с одной стороны, принимающие на веру, а, с другой стороны, не принимающие на веру (о которых забывают в теоретических социологических исследованиях темы) эти идеи. Главным критерием причастности является включенность в общественное обсуждение, а значит, к пространству относятся люди, «обсуждающие» подобную информацию.

в) Репрезентации пространства («задуманное» пространство «экспертов», воспроизводящих собственное видение). К таковым относятся люди, вносящие свою лепту и вклад в проработку и внесение корректив в существующие теории заговора, и, фактически, создающие принципиально новые. Это, как говорил А. Лефевр (2015, с. 52-55), так называемые «творцы».

Можно предположить, что предрасположенность людей, верующих в одну конспирологическую теорию, склоняет к вере и в другие. Это можно аргументировать тезисом П. Бурдьё (2007): невозможно одновременно занимать две противоположные позиции в существующем пространстве (с. 15-16). Это означает, что люди, активно постулирующие собственную приверженность, и люди, демонстрирующие «отвращение» к конкретной теории заговора, занимают диаметрально противоположные позиции в социальном пространстве.

Проанализировав теории пространства А. Лефевра и П. Бурдьё, можно утверждать, что репрезентации пространства, реализуемые людьми, «задумывающими» пространство и имеющими реальную власть образовывать группы, влияют на непосредственную объективацию или на возможность её осуществления этой властью в явном виде (например, публичном), одновременно отвечая за формирование здравого смысла (Бурдьё, 2007, с. 80). Необходимо рассмотреть символическое поле деятельности «тайных немногочисленных групп». По мнению индивидов, включенных в поле, таковые объединения обладают настоящей символической властью и занимаются символической (а также, материальной) деятельностью, которая позволяет с помощью знаков производить социальные результаты. Кроме того, они являются монопольными владельцами немонолитного социального пространства всего общества или же его части. Можно выдвинуть гипотезу о существовании конспирологического сознания или мышления, но, по нашему мнению, это неверно. Само конспирологическое знание в своей сущности не является гомогенным, оно разделено на составные части и варьируется в зависимости от интерпретации и процесса коммуникации. Таким образом, изучение феномена конспирологии находится на первом этапе, мы же предприняли попытку авторской концептуализации проблематики.

С целью определения факторов появления и распространения «пандемических» теорий заговора нам необходимо выделить основные

разновидности теорий заговора. В примерах ниже можно проследить характерные для пространства конспирологии сюжеты: признание (возможности) движения к негативным последствиям; причастность к этому непубличных групп (монопольное право на власть, инструменты её реализации).

1. «Коронавирус – это биологическое оружие». Приверженцы этой теории заговора считают, что коронавирус был создан искусственно, а его главной целью является уничтожение большого числа населения планеты. Происходит приравнивание коронавируса к биологическому оружию. Так, например, согласно опросу КМИС «Думки і погляди населення України щодо походження коронавірусу і його поширення у світі» (2020), 66% украинцев считают, что коронавирус был создан искусственно. Среди них 36,7% верят в то, что коронавирус был специально создан и распространён по миру для уменьшения численности населения и/или причинения вреда отдельным странам, а 29,3% считают, что он создан искусственно в лаборатории, но его распространение в мире стало случайностью. Можно предположить, что эта теория заговора возникла на фундаменте экономического неравенства, а её основные приверженцы – представители класса угнетаемых. В доказательство данной гипотезы можно привести результаты исследования КМИС, согласно которым люди с низким достатком в семье верят в то, что коронавирус – биологическое оружие больше, чем люди с высоким достатком (Таблица 1).

Таблица 1

**«Распределение мнения о искусственности коронавируса по уровню достатка»
(КМИС «Думки і погляди населення України щодо походження коронавірусу і його поширення у світі», 31.05.2021-04.06.2020)**

Уровень достатка семьи	Появился естественным путем и затем распространился на весь мир	Был создан искусственно в лаборатории, но его распространение - случайность	Был специально создан и распространён по миру	Другое	Сложно ответить / Отказ
<i>Не хватает денег на еду</i>	14.4%	15.2%	50.5%	3.8%	16.1%
<i>Хватает денег на еду, но покупать одежду - сложно</i>	13.0%	31.3%	39.1%	3.3%	13.3%
<i>Хватает денег на еду, одежду, мы можем их откладывать, не можем покупать дорогие вещи</i>	20.4%	30.5%	34.2%	4.6%	10.3%
<i>Можем покупать некоторые дорогие вещи</i>	27.3%	33.1%	23.5%	1.9%	14.3%
<i>Можем купить всё, что захотим</i>	13.5%	45.5%	21%	8.1%	11.9%

2. «Под видом вакцинации происходит чипирование людей». Приверженцы этой теории заговора считают, что под видом вакцинации от коронавируса может происходить чипирование людей для их контроля. Так, согласно исследованию КМИС «Оцінка дії влади, епідемія коронавірусу та реакція на поточні події» (2020), из 42% украинцев, которые не хотят вакцинироваться от коронавируса, 21% людей обозначили, что не хотят этого делать по причине того, что под видом вакцины могут сделать «кое-что другое». Согласно же исследованию ХИСИ «Ставлення до епідемії ковід19 та вакцинації» (2020), среди основных опасений относительно вакцинации от коронавируса, 10% респондентов обозначили, что под видом вакцинации может произойти чипирование населения планеты. Можно предположить, что эта теория заговора возникла по трём причинам. Первая – активное распространение подобных идей

в информационном пространстве, которые транслировали СМИ. Вторая – недостаток информации и недоверие к различным организациям (государственным и негосударственным). Третья – это поиск внешнего врага (что применимо ко всем выделенным нами теориям заговора). В доказательство данной гипотезы можно привести результаты всё того же исследования ХИСИ, согласно которого, 5,4% респондентов считают, что вакцинация выгодна Дж. Соросу, так как это способ управления людьми; 5,2% считают, что эпидемия и вакцинация выгодны Биллу Гейтсу, так как это способ чипирования людей.

3. «Коронавируса не существует». Приверженцы данной теории заговора считают, что коронавирус – это вымысел, его не существует. Так, например, согласно уже упомянутому нами исследованию КМИС «Оцінка дії влади, епідемія коронавірусу та реакція на поточні події»

(2020), из 42% украинцев, которые не хотят вакцинироваться от коронавируса, 33% обозначили, что не хотят этого делать по причине того, что коронавирус – это выдуманная болезнь или опасность от него преувеличена. Можно предположить, что на распространение данной теории заговора повлиял процесс онаучивания мира, который мы детально опишем далее в статье.

4. «Коронавирус возник из-за 5G вышек». Приверженцы данной теории считают, что возникновение коронавируса как-то связано с распространением 5G вышек. В «подтверждение» этой теории её приверженцы говорят, что город Ухань в китайской провинции Хубэй, где началась эпидемия, был первым городом (хотя, на самом деле лишь одним из первых), где аккурат к осени 2019 года тестировали запуск 5G-сети (BBC, 2020). Так, например, в апреле 2020 года в Великобритании было зафиксировано как минимум 20 новых случаях целенаправленных поджогов мачт сотовой связи, совершенных местными злоумышленниками, которые утверждают, что новый стандарт связи напрямую связан с распространением нового коронавируса во всем мире (BBC, 2020).

Определив разновидности распространяющихся теорий заговора, относящихся к пандемии Ковид19, выдвинем предположение о возможных факторах их распространения.

1) Поиск внешнего врага. Происходит убеждение людей в существовании внешнего врага с помощью различных способов навязывания. Данные способы эффективнее в тех случаях, когда не происходит осмысление доводов. Так, например, Сергей Кара-Мурза (2005), цитируя А. Грамши, утверждает, что «самым эффективным способом воздействия является неустанное повторение одних и тех же утверждений, чтобы к ним привыкли и стали принимать не разумом, а на веру» (с. 65), что наблюдается в СМИ в период пандемии. Согласно Л.Д. Гудкову (2005, с. 13), врагом считается тот, кто несет угрозу не только отдельным индивидам, но и всему обществу. Поэтому, в доказательство существования внешнего врага и его угрозы для общества озвучиваются

и актуализируются существующие в обществе проблемы (в нашем случае – коронавирус). Сам поиск внешнего врага имманентно присущ обществу, этот образ способствует социальной консолидации. Данная тенденция просматривается и в ситуации коронавируса.

2) Религиозность. Одной из важнейших функций религии является то, что с помощью своих писаний и практик она объясняет мир. Религия конструирует мир (то есть, некую реальность), объясняя его теми фактами, которые поддерживают его образ с религиозной точки зрения. У данной функции есть как свои плюсы, так и минусы. Так, например, по мнению Питера Бергера (1979, с. 130), «религиозный опыт является постоянной угрозой общественному порядку - не только в смысле того или иного социально-политического status quo, но также в более фундаментальном смысле жизнедеятельности. Религиозный опыт радикально релятивизирует, если не обесценивает вообще, обычные заботы человеческой жизни. Там, где говорят ангелы, всякие житейские дела становятся незначительными, бледнеют до состояния нереальности». Именно это обесценивание человеческой жизни мы можем наблюдать во время пандемии коронавируса. Различные «крестные ходы», посещение церквей в период локдаунов и критика мер предостережения со стороны духовенства породили в обществе конспирологическую теорию отсутствия или неопасности коронавируса для верующих. Также стоит упомянуть, что религия даёт уверенность защищенности (естественно, мнимую) перед коронавирусом, провоцируя человека пренебрегать мерами безопасности, тем самым, увеличивая темпы его распространения.

3) «Онаучивание» мира. Данное явление хорошо описано Леонидом Иониным (2000, с. 206), и он называет это современной (постмодерной) магической эпохой. "Онаучивание" мира приводит к тому, что невероятное усложнение технологических, экономических и социальных систем становятся непостижимыми и неконтролируемыми со стороны самих их создателей и обретают собственные, незапланированные и неконтролируемые

человеком способы деятельности. Техника (в нашем случае, 5g связь или вакцинация), созданная наукой, становится непостижимой для среднестатистического человека. Кроме этого, явления, созданные природой, приобретают научный характер и приписываются к вещам, созданным человеком. Причина как первого, так и второго проста – недостаток информации и непонимания процесса действия этих вещей. Яркий пример этого – ситуация с 5g вышками, которую мы уже упоминали выше. Некоторые люди обнаруживают связь между наличием 5g вышек и появление в их жизни (в информационном пространстве) коронавируса. Именно непонимание новых для них вещей производит на свет конспирологические теории, которые построены на «простых чувствах людей»: вражда, власть и ненависть.

4) Экономическая составляющая. Основываясь на марксистском подходе, можно обнаружить, что современные конспирологические теории выстроены по принципу модели капиталистического устройства общества, где при обобществлённом производстве существует капиталистическое присвоение труда. Только это, что действительно важно, воспроизводится в гиперболизированной форме: декларируется наличие в мире «небольшой» социальной группы (аналог верхушки эксплуататорского или правящего класса), которая имеет прямой доступ к практически всем социальным благам мира, произведенным, в сущности, именно рабочим классом и скрыто эксплуатирующая его самым агрессивным образом.

Такие особенности конспирологического знания раскрывают существующую социальную проблему, довольно острую для современного общества: ощущение социального неравенства, причем, на глобальном уровне (ведь немногочисленные тайные группы распространяют своё влияние в крупных масштабах). Ощущение людьми серьёзной опасности со стороны подобных групп отражает реальную отчужденность отдельных людей в капиталистическом обществе. Таким образом, механизм «вскрытия» законспирированного общественного мира может выступать одним из способов

противостояния идеологии.

господствующей

5) Популяризаторская редукция научного знания. Кроме того, стоит отметить, что катализатором распространения теорий заговора является тенденция подачи научных знаний в популяризаторском стиле, посредством неких инструментов информационного характера, что приводит к его упрощению, несмотря на сложность (читать диалектически: сложное из простого), и, как следствие, некорректной трактовки. Михаил Лифшиц (1979) отмечал, что «младшее поколение должно усвоить те знания, которые позволяют свободно ориентироваться во всяком новом материале. Нельзя всё знать, но можно и должно знать, что где лежит, в каком направлении нужно двигаться, чтобы иметь нужное знание... Овладеть методом решения задачи важнее, чем знать ответ и даже самому, эмпирически или формально, найти его» (с. 464-465). В постмодерном информационном обществе практически любые материалы или сведения имеют фрагментарный клиповый характер: то же можно применить к массовизации научных знаний, ведь их упрощение до уровня конспирологической теории также является той самой адаптацией для свободного взаимодействия и ориентации в имеющейся информации. Всё тот же учёный говорил, что «наука берет начало там, где сущность отделяется от формы проявления. Действительно, самые скромные зачатки научного взгляда невозможны, пока мы ослеплены внешностью предмета, иногда блестящей или начищенной до блеска невежеством и суеверием людей. Ложный ореол нередко коренится в самой сущности дела, и многим явлениям бывает свойственно казаться не тем, что они есть» (Лифшиц, 1979, с. 465). Подобно тому, как упаковка или этикетка как внешняя форма может отводить внимание от содержания, или и вовсе быть первичной при принятии решения об осуществлении покупки, так и наука стала заложницей поверхностности, что, в свою очередь, опять же, приводит к вышеупомянутым последствиям. М. Лифшиц (1979) также утверждал, что «доступность чуждым влияниям есть кара за недостаток самостоятельного мышления»

(с. 466). Делегирование ответственности в пользу СМИ является симптомом современного общества, вызванным его объективными процессами: овеществление, объективация и т.д.

Стоит упомянуть, что свою роль играет видимая аргументированность подобного знания: всегда находятся мнимые зацепки, которые потенциально могут служить подтверждением истинности разрабатываемых идей. Это вызвано необходимостью в легитимации конспирологии, что закрепляется выработанным ею инструментом классификации критики как доказательства собственной правоты.

Выводы.

Таким образом, анализ материалов по нашей теме позволяет выделить следующие возможные факторы распространения конспирологии, связанной с коронавирусом COVID-19: поиск внешнего врага, религиозность, «онаучивание» мира, экономическая составляющая, популяризаторская редукция научного знания. Псевдонаучный характер конспирологических теорий приводит к образованию «призрачной» оболочки вокруг него: с одной стороны, он интерпретируется как явление потусторонней альтернативной реальности, размывшее социальный фундамент повседневного взаимодействия, а потому, нечто враждебное, разрушающее обыденные канонические установки (почти сакральное), с другой стороны, ощущение тревоги, имеющее общественный характер, порождает подозрительность особого рода, способствует реакционному ответу со стороны социальных общностей и

групп, который проявляется, в частности, в выработке и ретрансляции соответствующих теорий заговора.

Легитимированный релятивизм, издавна «вшитый» в основу и воспроизводимый в современной версии либеральной идеологии, еще более утверждает право и создает необходимые условия для функционирования конспирологий как еще одних альтернативных мнений, что немаловажно. Известно, что условия требуют соответствующих социальных процессов, а также, закрепления «результатов». Очевидно, что они имеют закономерный, но, тем не менее, нередко ситуативный характер, что усложняет процесс научного познания. «Клиповость» восприятия, превалирование постмодернистских ценностей, принцип современного устройства мира и пр. - определяющие составляющие, которые выступают в роли катализатора сложного процесса распространения конспирологии COVID-19. Кроме этого, исходя из всего вышесказанного нами, можно выдвинуть гипотезу о том, что распространение теорий заговора напрямую влияет на распространение коронавируса, что подталкивает на мысль о необходимости более детального социологического изучения проблематики, с целью дальнейшего влияния на подобную негативную тенденцию, что поможет потенциально снизить риски в будущем. В дальнейших исследованиях выделенные нами гипотетические факторы необходимо проверить эмпирическим путём, что, в сущности, и является основной перспективой вашего исследования.

БИБЛІОГРАФІЯ

- 5G, вакцины и "цифровое порабощение": коронавирус новый, а теории заговора старые. URL: <https://cutt.ly/8bBPx4L>
- Бурдые П. Социология социального пространства. Санкт Петербург: Алетейя, 2007, 288 с.
- Головаха Е.И. Альтернативный социологический словарь. URL: <https://cutt.ly/JbBDCpY>
- Гудков Л.Д. Идеологема «врага»: «враги» как массовый синдром и механизм социокультурной интеграции. Образ врага. Москва: ОГИ, 2005, С. 7-79.
- Думки і погляди населення України щодо походження коронавірусу і його поширення у світі: травень-червень 2020 року. URL: <https://cutt.ly/3bBO56d>
- Дэвид Джерри, Джулия Джерри. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П—Я). Москва: Вече, 1999, 528 с.
- Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов. Москва: Логос, 2000, 431 с.
- Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Москва: Эксмо, 2005, 832 с.
- Кара-Мурза С.Г. Россия при смерти? Прямые и явные угрозы. Москва: Яуза-Пресс, 2010, 123 с.

Коронавирус и 5G: на Пасху в Британии попытались поджечь 20 сотовых вышек. URL: <https://cutt.ly/WbBPmof>

Лефевр А. Производство пространства. Москва: Strelka Press, 2015, 432 с.

Лифшиц М.А. Мифология древняя и современная. Москва: Искусство, 1979, 582 с.

Лифшиц М.А. Надоело. В защиту обыкновенного марксизма. Москва: Искусство-XXI век, 2012, 574 с.

Оцінка дій влади, епідемія коронавірусу та реакція на поточні події. URL: <https://cutt.ly/CbBPw9Y>

Ставлення до епідемії ковід19 та вакцинації: результати опитування. URL: <https://cutt.ly/WbBPiNq>

Dahrendorf R. Society and Democracy in Germany. Westport: Greenwood Press, 1969, p. 480.

Peter L. Berger. The heretical imperative: contemporary possibilities of religious affirmation. Norwell: Anchor Press, 1979, p. 220.

REFERENCES

5G, vakcyny i "cifrovoe poraboshhenie": koronavirus novyy, a teorii zagovora starye. Retrieved from <https://cutt.ly/8bBPx4L>

Dahrendorf R. (1969) Society and Democracy in Germany. Westport: Greenwood Press.

Dzherri, D. (1999) Bol'shoj tolkovyj sociologicheskij slovar' (Collins). Tom 2 (P-Ja). Moskva: Veche.

Dumki i pogljadi naselennja ukraїni shhodo pohodzhennja koronavirusu i jogo poshirennja u sviti: traven'- cherven' 2020 roku. Retrieved from: <https://cutt.ly/3bBO56d>

Golovaha, E. I. Al'ternativnyj sociologicheskij slovar'. Retrieved from: <https://cutt.ly/JbBDCpY>

Gudkov, L. D. (2005). Obraz vraga.

Gudkov, L. D. (Red). Ideologema «vraga»: «vragi» kak massovyj sindrom i mehanizm sociokul'turnoj integracii. (s. 7-79). Moskva: OGI.

Ionin, L.G. (2000). Sociologija kul'tury: put' v novoe tysjacheletie: Ucheb. posobie dlja studentov vuzov. Moskva: Logos.

Kara-Murza, S. G. (2005). Manipuljacija soznaniem. Moskva: Jeksmo.

Kara-Murza, S. G. (2010). Rossija pri smerti? Prjamye i javnye ugrozy. Moskva: Jauza-Press.

Koronavirus i 5G: na Pashu v Britanii popytalis' podzhech' 20 sotovyh vyshek. Retrieved from: <https://cutt.ly/WbBPmof>

Lefevr, A. (2015). Proizvodstvo prostranstva. Moskva: Strelka Press.

Lifshic, M. A. (1979). Mifologija drevnjaja i sovremennaja. Moskva: Iskustvo.

Lifshic, M.A. (2012). Nadoelo. V zashhitu obyknovennogo marksizma. Moskva: Iskustvo-XXI vek.

Ocinka dij vladi, epidemija koronavirusu ta reakcija na potochni podii. Retrieved from <https://cutt.ly/CbBPw9Y>

Berger, P. L. (1979). The heretical imperative: contemporary possibilities of religious affirmation. Norwell: Anchor Press.

Bourdieu, P. (2007). Sociologija social'nogo prostranstva. Sankt Peterburg Aletejja.

Stavlennja do epidemii kovid19 ta vakcinacii: rezul'tati opituvannja. Retrieved from <https://cutt.ly/WbBPiNq>.

Durniev Alexander

Student, <https://orcid.org/0000-0003-0857-1011>, xa12282970@student.karazin.ua

Yurchyk Tetyana

Student, <https://orcid.org/0000-0002-9121-3292>, xa12283262@student.karazin.ua

Стаття надійшла / Article arrived: 25.05.21

Схвалено до друку / Accepted: 29.06.21